

ла свою боеспособность и по-прежнему представляет угрозу для Германии. Всё это привело к более критическим оценкам итогов Мазурского сражения.

Э. Фалькенгайн отмечал, что немецкие силы, проводившие операцию на Востоке, дошли до пределов своей боеспособности. Ослабление немецкой армии, по мнению генерала, могло привести к началу оборонительных действий на Восточном фронте. В тоже время Э. Фалькенгайн указывал на «исключительные потери» в рядах царской армии, которые обезопасили Венгрию от российского вторжения. Таким образом, по мнению фон Фалькенгайна, одна из задач Августовской операции была выполнена. П. Гинденбург, восторженно отзывавшийся об успехах армии в первые дни операции, в последующем несколько изменил свою точку зрения: «Несмотря на огромный тактический успех... мы проиграли стратегически» [4, с.182]. Генерал-фельдмаршал указывал, что хотя в результате наступления было сломлено наступление российской армии, всё же, после испытанных потерь царская армия смогла оправиться.

М. Гофман, принимавший участие в разработке плана наступления, указывал на успех операции в связи с захватом сотни тысяч пленных, нескольких сотен орудий. Этот успех мог позволить немецкой армии и дальше проводить успешное наступление. Генерал М. Гофман отмечал, что намеченный стратегический план выполнен лишь наполовину. Тотальному успеху операции, по мнению М. Гофмана, помешали погодные условия, так как, именно благодаря оттепели и ливням, российской армии удалось избежать полного уничтожения [2, с.73].

Аналогичных с М. Гофманом взглядов придерживался Э. Людендорф. Он говорил, что Августовское сражение имело большое значение, так как Германии удалось уничтожить десятую российскую армию и сорвать наступательный план российского командования [3, с.16]. По мнению Э. Людендорфа, завершить разгром царской армии помешали начавшиеся дожди, которые размыли дороги. Генерал приходит к выводу, что, несмотря на значительные успехи, главная стратегическая цель операции не была достигнута. Тем не менее, Э. Людендорф в тот момент был настроен оптимистично и считал, что в итоге Августовского сражения 1915 г. Германия приблизилась к победе над Россией.

На основании анализа Августовской операции 1915 г. немецкими генералами можно сделать вывод о том, что первоначально успех операции вызвал эйфорию среди солдат и командного состава немецкой армии, но последующие события заставили немецких генералов критически оценивать итоги операции. Не все поставленные задачи были выполнены в ходе Августовской операции, что позволяет сказать о её половинчатом характере. Немецкой армии удалось нанести поражение десятой российской армии и сорвать наступательные планы российского Генерального штаба. Однако своевременный отход частей десятой российской армии не позволил Германии добиться разгрома царских войск на российско-германском фронте. Генштаб германских войск признал, что стратегический успех в ходе операции не достигнут. Было принято решение продолжить начатое дело по разгрому российской армии в последующих военных операциях.

Литература

1. Гинденбург, П. Из моей жизни / П. Гинденбург. — М., 2013. — 336 с.
2. Гофман, М. Война упущенных возможностей / М. Гофман. — М.-Л., 1925. — 204 с.
3. Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца. 1914-1918 / Э. Людендорф. — М., 2007. — 352 с.
4. Уткин, А. И. Первая Мировая война / А.И. Уткин. — М., 2001. — 592 с.
5. Фалькенгайн, Э. Верховное командование в 1914-1916 в его важнейших решениях / Э. Фалькенгайн. — М., 1923. — 279 с.

Образ Генриха IV в русскоязычной историографии

Плеско А.П., 4 курс, исторический факультет, БГПУ;
науч. рук. – кандидат исторических наук, доцент В.В Старичёнок, БГПУ

В последние два десятилетия в русскоязычной исторической науке произошел буквальный взрыв интереса к личности в истории. Появилась масса биографий, в которых раскрывается особенности мировоззрения, психологические характеристики, выделяются закономерности поведения исторических персонажей. Стремительно набирает популярность и история повседневности, периодически обращающая взоры к фигурам королей и их поведению в обычной жизни. Отечественная наука мгновенно отреагировала на эти тенденции. Ведущие белорусские методологи начали призывать к расширению методического обеспечения научных знаний. В частности указывалось на целесообразность обращения к психоистории и другим методам исследования [9, с. 192]. В данной работе предпринята попытка обобщить опыт русскоязычных историков в отношении исследования отдельной личности. Сделано это будет на примере Генриха Наваррского, ставшего в 1594 г. королем Франции и положившего начало династии Бурбонов.

Генрих IV является одним из самых популярных королей Франции. В народной памяти он прочно закрепился как благодаря своей харизме, так и благодаря грамотно продуманным государственным реформам, которые пошли на пользу стране. Пожалуй, среди всех исследований, где исторические события описываются сквозь призму личности, большее внимание, чем Генриху, уделяется лишь Екатерине Медичи [3; 7; 10]. Но если Генрих – фигура, стоящая особняком, то Екатерина – жена одного короля и мать трех других королей. Поэтому не вызывает удивления, что посвященных Екатерине книг больше, чем какому-либо иному персонажу французской истории раннего Нового времени. Первые биографии Генриха IV увидели свет еще в XVII в. С тех пор о нем было опубликовано множество книг, включая и подробные научные исследования, и издания для детей [2, с. 7].

В целом, доминировал позитивный образ Генриха. Типичный пример – мемуары Сюлли, который являлся главой французского правительства при Генрихе IV. Он «боготворит» короля Франции, приписывая ему кучу достоинств, а вину за ошибки сваливает на ближайшее окружение. Аналогичным образом к славе Генриха притается «присоседиться» Маргарита Валуа. Она указывает на свои заслуги перед ним, всячески выпячивая свою роль в жизни Генриха: «Движимая желанием рассказать не только о давности, но и о прочности дружественных уз, связывающих ее с бывшим супругом, Маргарита стремится подчеркнуть свою роль в его счастливой судьбе: было ли это покровительство пленнику Лувра в Варфоломеевскую ночь расправы над гугенотами или помощь в момент обострения отношений короля Наварры с французским монархом» – пишет российская ученая С.Л. Плешкова [8, с. 7].

Примером объективного подхода в отношении Генриха IV является одноименная монография французского историка Жан-Пьера Баблона. Баблон указал на близость Генриха к народу, что выражалось в простоте обхождения, в общении на равных с низшими сословиями, прежде всего, с простыми крестьянами. Подтверждается это многочисленными примерами из жизни Генриха [1, с. 31]. «Величественный его вид, – заключает историк, – только приличествующий Царскому его сану, не препятствовал ему никогда наслаждаться удовольствием вольного обхождения, рождаемого состоянием равенством» [1, с. 37]. На наш взгляд, здесь имеется противоречие, ибо простота будущего короля не могла нравиться аристократическому и утонченному обществу Нового времени. Но именно это черта особо его выделяла среди других и привлекала внимание историков. Поэтому, хотя Баблон и пытался быть более критичным в отношении личности короля, в конечном итоге он оправдал его недостатки: «Конечно, неблагодарность была одной из черт его характера, но следует заметить и то, что он иногда вынужден был проявлять её из политических соображений» [1, с. 9–10].

Обращение русскоязычных авторов к фигуре Генриха Наваррского восходит к концу XIX в. Оценка, которая дается Наваррскому, далеко не так позитивна. Так, Кондратий Биркин включает правителя в число королей-волоkit, «к которым легитимисты питают религиозное благоговение, окружая их мишурными ореолами незаслуженного величия» [4, с. 6]. Однако такой взгляд маргинален для историографии в целом. Особенно неприемлем он был в марксистской исторической науке, так как советским историкам очень импонировала идея близости короля к народу и его мероприятия, направленные на улучшение положения народных масс.

Советская исследовательница истории Франции Плешкова делает упор на то, что король воспринимался в простоте, поскольку его дед хотел, чтобы внука, как крестьянских детей его возраста, не баловали ни едой, ни одеждой. Она констатирует, что благодаря крестьянскому воспитанию Генрих достиг выгодных для себя политических дивидендов, сделавшись очень популярным среди соотечественников в Беарне. Плешкова считает будущего короля умным, хитрым и необычайно способным к компромиссам политиком. Именно благодаря этим качествам Генриху удалось утвердиться на французском престоле и прекратить многолетние гражданские войны [6, с. 65]. Однако специальной монографии о Генрихе учёная не создала, предпочтя написать про Екатерину Медичи [7].

Примером современного подхода к истории личности стала работа историка Василия Балакина, написанная для серии «Жизнь замечательных людей» под названием «Генрих IV». Ее автор известен своими биографиями и мемуарами, а также статьями об исторических личностях. Он написал про таких известных персонажей, как Екатерина Медичи, Никколо Макиавелли и Фридрих Барбаросса. Балакин доказывает, что король Наварры был обычным политиком и не являлся гениальным стратегом. Главные причины его побед – не столько здравый ум и способность к компромиссам, сколько фантастическая удачливость, позволившая ему избегать опасностей и войти в историю героем легенд о «добром короле Анри» [2, с. 315–316].

Отдельная категория исследований посвящена личной жизни Генриха и, прежде всего, его любовным похождениям. В отечественной историографии нет специальных исследований, посвященных этой теме. Этот пробел восполняется переведенными на русский язык работами французских авторов. Особенно следует выделить таких историков, как Ги Бретон [5] и Ги Шоссинан-Ногаре [11]. Выпускник Сорбонны Шоссинан-Ногаре в книге «Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей» рассматривает историю Франции XV–XVIII вв. в пространстве треугольника: король, королева, фаворитка. Он доказал, что фаворитки оказывали большое влияние на Генриха IV, и король был на самом деле в них влюблен. Для него мало что значили официальные процедуры, и монарх искреннее давал любовницам нескромные обещания, порою внушая им надежды даже на

трон [11, с. 23]. Это подтверждает автор десяти томной «Истории любви в истории Франции» Ги Бретон. Когда король в очередной раз влюблялся, – пишет историк, – он добивался своей избранницы всеми возможными способами. В ход шли огромные суммы денег, дорогие подарки, назначение близких фаворитов на государственные должности, обещания жениться после развода с королевой Марго и даже расписка с обещанием сделать королевой Франции [5, с. 114].

Ги Бретон многое в политике Генриха IV сводит не к объективным закономерностям, как это делают марксисты, а к повседневности, а именно – чрезмерному влиянию женщин. Он пишет, что фаворитки не раз становились подстрекательницами к войнам. Так, Франсуаза де Монморанси-Фосsez подтолкнула Наваррского к «войне Влюбленных» 1580 г. «Мы видели, как начиналась эта война, во главе которой, вне всякого сомнения, была юная Фосsez» – заключает автор [5, с. 33]. Аналогичным образом именно Габриель д'Эстре является главным виновницей военной акции против Нуайона, которая стоила Франции сотни бессмысленных жертв. Любовная страсть часто становилась причиной необдуманных поступков и скоропалительных решений: на другой день после победы в Кутра, вместо продолжения наступления и вопреки всякой логике Генрих Наваррский на целый месяц распустил войско и возвратился в Нерак, чтобы скорее встретиться с мадам де Грамон [5, с. 53]. Однако народ любил своего короля и не считал, что он злоупотреблял властью. Виновными в конечном итоге оказывались сами фаворитки. Хотя среди них было много порядочных женщин, они не смогли избежать неуважения и презрения. В многочисленных памфлетах с тривиальной и непристойной жестокостью провозглашалась их аморальность, излишняя роскошь, мотовство и пагубное влияние на короля [11, с. 10].

Таким образом, несмотря на популярность Генриха Наваррского, в русскоязычной историографии его биографий написано не так уж и много. Советских историков больше интересовали религиозные войны в целом. Навязываемый марксистской идеологией интерес к зарождению народного движения и участия народных масс в борьбе против феодалов оттеснил изучение личности Генриха на второй план. Тем более никто не пытался показать его как человека своей эпохи со своими слабостями и любовными похождениями. Его образ в советской историографии – образ основоположника династии Бурбонов и короля-политика. Безусловно, это издержки той историографии, которая была слишком сконцентрирована на процессах в ущерб личности, на объективных, а не субъективных факторах исторического развития, которая игнорировала вопросы истории повседневности, в особенности повседневной жизни королей. В то же время в науке должны быть представлены оба подхода, что позволило бы всесторонне описать исторические события и раскрыть все нюансы происходившего в прошлом. Такая тенденция имеется, о чем свидетельствует разнообразие написанных в постсоветский период работ.

Литература

1. Баблон, Ж.П. Генрих IV / Ж.П. Баблон; пер. с фр. Д.Н. Вальяно. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 605 с.
2. Балакин, В.Д. Генрих IV / В.Д. Балакин. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 325 с.
3. Балакин, В.Д. Екатерина Медичи / В.Д. Балакин. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 221 с.
4. Биркин, К.П. Генрих IV / К.П. Биркин. – М.: Эксмо, 2008. – 132 с.
5. Бретон, Г. В кругу королей и фавориток / Г. Бретон; пер. с фр. С.Г. Чалтыкян. – М.: Крон-Пресс, 1993. – 222 с.
6. Плешкова С.Л. Генрих IV Французский / С.Л. Плешкова // Вопросы истории. – 1999. – № 10. – С. 65–81.
7. Плешкова, С.Л. Екатерина Медичи. Черная королева / С.Л. Плешкова. – М.: МГУ, 1995. – 309 с.
8. Плешкова, Л.С. Слово о королеве Марго (предисловие к публикации мемуаров) / Л.С. Плешкова // Мемуары королевы Марго. – М: МГУ, 1995. – 224 с.
9. Сидорцов, В.Н. Научный дискурс историка: социальная обусловленность и методология исследования / В.Н. Сидорцов, А.А. Приборевич. – Минск: БГУ, 2013. – 192 с.
10. Фрида, Л. Екатерина Медичи / Л. Фрида; пер. с англ. А. Суворовой. – М.: Астрель, 2012. – 574 с.
11. Шоссинан-Ногаре, Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей / Г. Шоссинан-Ногаре; пер. с фр. С. В. Архипова. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 131 с.

Буддизм в КНР в годы «культурной революции» (1966 – 1967 гг.)

Плыгавко А.В., 3 курс, исторический факультет, БГПУ;
науч. рук. – кандидат исторических наук, доцент И.И. Ковяко, БГПУ

Осенью 1965 г. в руководстве КНР наступила кульминация скрытой борьбы по основным вопросам внутренней и внешней политики. Цели задуманной Мао Цзэдуном и его сообщниками так называемой «культурной революции» заключались в том, чтобы устранить из руководящих органов партии всех несогласных с политикой Мао Цзэдуна, превратить партию, армию и все звенья государственного аппарата в орудие режима личной власти Мао. 4 июня 1966 г. Было опубликовано решение ЦК КПК о реорганизации Пекинского горкома и о назначении новых секретарей горкома. Вслед за